

СОДЕРЖАНИЕ

Простота и совершенство (предисловие)	4
Путиами добра и красоты (Михаил Васильевич Исаковский)	6
«Вася Тёркин — мой герой» (Александр Трифонович Твардовский)	79
Поэт страны молчания (Николай Михайлович Рубцов)	185
«Это я не вернулся из боя...» (Владимир Семёнович Высоцкий)	242

Простота и совершенство

Являются на свет Божий свежие дарования. И первое их ощущение, что до них в поэзии ничего стоящего не было, что они — первые, лучшие, неповторимые, а поэтому желают слово своё «спеть по-свойски, даже как лягушка». Однако из щенячьей дерзости они постепенно разрастаются, и вот уже Есенин впадает в течение гоголевского реализма, а Пастернак начинает тяготеть к поэтике Тютчева и Блока.

И вот уже русло великой русской поэзии пополняется новыми притоками. И ценность каждого из них определяется отнюдь не стилистическими изысками, но художественной правдой и единственностью авторских судеб, за которыми встаёт, вырастает лик Эпохи и образ Времени.

Поэтому слово «классика» и представляет поэзию, уже очищенную от вывихов и шероховатостей поиска, но исполненную простоты и совершенства. В этом смысле важно не предпочесть первую пробу гениального пера его последним шедеврам, что и абсурдно, и противоречит логике становления.

Поэзия Исаковского, Твардовского, Рубцова и Высоцкого прорезала своими голосами вопиющую немоту последних десятилетий Красного инквизиционного режима. Кто-то из них обманулся в советской власти, в ком-то обманулась власть, но, будучи истинными поэтами, они не смогли не стать историческим и лирическим отражением своего Часа, и не только отражением, но и его действенной, сокровенной струей.

Такова неотвратимая участь и честь поэтического слова.

Исаковский и Твардовский оказались наиболее облаканными властью, поскольку немалая толика их произведений была ей на руку. Премии, ордена, слава, почёт.

Рубцов появился значительно позже этих двух, когда советская писательская верхушка уже представляла собой хорошо организованную, сплочённую литературную мафию. Выгрызающая друг у друга премии, льготы и привилегии, поэтическая номенклатура и не думала подпустить Рубцова к государственной кормушке. Впрочем, поэт, что называется, не рвался. Иногда он даже общался с волчьей стаей — спокойно, с чувством достоинства. А на деле был глубоко ей чужд.

Попридержала бы она и Высоцкого, если бы не песенный, магнитофонный размах его успеха, никоим образом не предусмотренный советскими партийными идеологами. Слава Высоцкого вспыхнула пожаром и на шквальном ветру его хрипловатого могучего голоса не только распространилась по всей стране, но и перехлестнула за её пределы. Добавил огоньку и актёрский театрально-киношный талант поэта.

Между тем вскоре наступившая смертельная агония Страны Советов уже готовила под своими обломками гибель для российской культуры. Всеобщее недоверие к «вершителям» советского искусства, его внезапно наступившая коммерциализация, казалось, довершат дело. Однако Истина, гуманистическим проводником которой является культура, неуничтожима. А значит, неубиенны и поэзия, и любовь народная к ней.

ПУТЯМИ ДОБРА И КРАСОТЫ

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ИСАКОВСКИЙ

Человеческая доброта с малых лет окружала Михаила Исаковского, и оберегала, и, как некое силовое поле, вытягивала его из нищеты и болезней, из невежества и безвестности, из горестей и неудач. Сам же, слабый, стеснительный и близорукий, поэт едва ли смог бы сопротивляться жизненному напору. Увы, храбрецом не был. Слишком рано довелось ему заглянуть в глаза смерти, слишком рано понять, что за слово чуждой окраски: белой ли, чёрной ли, зелёной ли — могут, не вдаваясь в

долгие разбирательства, поставить к стенке. Понял и не захотел более рисковать.

Прирождённый эпик, выдававший себя за лирика и писавший девичьи песенки, Михаил Исаковский оказался настолько умён и осторожен, что сумел, несмотря на свою поэтическую сущность, во все века нетерпимую российскими властями, избежать сталинских застенков. Ровесник чудовищного века, своим голосом он, похоже, во всю жизнь так ни разу и не заговорил. Плачевный пример Сергея Есенина, а затем Павла Васильева и Бориса Корнилова на долгие годы отучил поэтов от душевных излияний и прямого, искреннего слова...

А ещё был Михаил Исаковский мастером эпиграммы и стихотворной пародии, однако воздерживался от публикаций в этих жанрах, но пользовался своим остроумием лишь в доверительном кругу близких друзей. Знал, что едкое и точное слово способно и обидеть, и поссорить, и расплодить немалое количество явных и тайных врагов.

Мудр, талантлив, тактичен, робок, незлобив...

Ну, а красота, она сопутствовала поэту, сопутствовала, как одно из основных качеств и свойств Божьего творения, делающее всякую вещь и всякое явление в этом мире притягательным и зовущим. Красота манила, завлекала, а доброта выравнивала и облегчала дорогу к ней...

Родился будущий поэт 7 января 1900 года в деревне Глотовке Осельской волости Ельнинского уезда Смоленской губернии. Бедная многодетная крестьянская семья. Отец — Василий Назарович, мать — Дарья Григорьевна. Из детей Миша — двенадцатый по счету. Но к моменту его появления на свет восемь братиков и сестричек уже умерли. После Миши родился ещё один — тринадцатый ребёнок.

А фамилия семейства поначалу была Исаковы. Это потом усилиями старшего сына переменялась на более звучную — Исаковские. Разумеется, достатка или удачи таковое обновление в дом не принесло, зато будущему поэту, имени которого предстояло греметь по странам и континентам, несомненно, пригодились.

Зимнее время Миша, в пору своего малолетства, проводил на печи, как и большинство его деревенских сверстников. Чтобы на улице появиться, ни подходящей одежды, ни обуви у него не было. Летом иное дело — в трусах да босиком бегай хоть целый день! Тут тебе и речка, и лес, и поле! И ягоды, и грибы!

Но иногда случалось, что, не выдержав бесконечного зимнего сидения, соскакивал мальчик с печи, выбегал из промёрзшей хаты и, в одной рубашонке, босиком по снегу, стремглав уносился к кому-нибудь из своих «летних» друзей и через несколь-

ко минут оказывался уже в его хате, на его печи. А это куда веселей...

Деревня была нищая да отсталая. На всю Глотовку — один самовар и сад один — у зажиточного мужика Ивана Строгонова. А книги две: псалтырь и «Оракул», по первой — молились Богу, по второй — служили дьяволу. Оттого, верно, и помирали в большом количестве, чтобы не лишний раз о псалтыри вспомнилось — при заупокойной читке над преставившимся.

Уже в 12 лет Миша значился как лучший в Глотовке чтец и за такую работу подчас достаивался от родственников покойного немалых денег — серебряного рубля. И то сказать, что дело было не из лёгких, ибо читать над мёртвым нужно было, поочередно меняясь с напарником, в течение суток.

Иногда в деревне появлялись и другие книжки, из тех, что привозили мужики, побывавшие в городе: то «Сказка о Бовекоролевиче», то «Как солдат спас Петра Великого», то песенник «Липа вековая». Тоненькие да незамысловатые, они служили недолгим развлечением и мало что могли изменить в апокалипсическом противостоянии двух основных.

Василий Назарович в свободное от крестьянских забот время плотничал да стеклил окна, а потому в поисках заказов исходил, почитай, не только всю Смоленскую губернию, но и до Петербурга добирался не однажды, а как-то чуть ли не по всей Белоруссии прошёлся.

И разумеется, не по своей воле. Это все земля глотовская, тощая да скудная, гнала и его, и других мужиков на заработки. Иначе не прокормиться. Земля же и прибирала всех, для кого не могла в утробе своей зёрнышка, хлебом проросшего, отыскать. Да и не потому ли Глотовкой деревня называлась, что заглывала жителей своих чёрными могильными зевами — без меры и числа?

Со временем Василий Назарович из плотников подался в почтари. Это его за безукоризненную исполнительность и честность крестьяне на волостном сходе выбрали на должность такую, а затем переизбирали бессменно. Работа: два раза в не-

делю на железнодорожную станцию Павлиново вози почту исходящую да обратно — приходящую. И, разумеется, на своей лошади. Расстояние верст этак 25. Жалованье невелико — десять рублей в год, однако ещё и процент, положенный почтарю от суммы всякого денежного перевода, получи да распишись.

Читать Миша выучился по газетам и журналам, которые отец разрешал мальчику просматривать прежде их доставки. А затем и письменной грамотой овладел, что было для местной глухомани редкостью. Вот к нему, ещё десятилетнему, и приходили с просьбой написать письмо чуть ли не изо всех окрестных деревень.

И далеко не всё шло под диктовку, но Миша, понимавший чаянья и нужды своих земляков, умел самостоятельно, толково выразить и мольбы о денежной помощи, обращённые к ушедшим на заработки мужикам, и тоскующую любовь солдаток. Вроде бы дело простое, житейское, но тут и писательская школа, и школа жизни, и уроки человеческого сочувствия, а подчас и боль сострадания...

И гонорар немаленький — 5 копеек. Зато уж и лист испиши плотно, целиком, без пробелов. А значит, без фантазии и выдумки не обойтись. Выручку же мальчик тратил на угощение для всей семьи: иной раз селёдку в лавочке купит, иной раз четверть фунта сахару.

Его грамотность, очевидно, и внушила Василию Назаровичу мечту, что сын когда-нибудь сумеет стать телеграфистом. Деревенскому почтарю вряд ли могло прийти в голову, что не на телеграфном ключе, а на пишущей машинке будет суждено Мише отстукивать, и не почтовые, но поэтические молнии.

То-то счастье для родителей и всей многодетной семьи иметь такого сынишку, разумного да способного. Добытчик! Зато во всем прочем у Исаковых невезение беспросветное: то болезни, то засуха, то падёж птицы домашней. Когда же овец, им принадлежавших, пастух деревенский от пасти волчьей не уберёт, не один день в хате не смолкали рыдания. Оплакивали и скотину, добрую, беззащитную, и убыток в хозяйстве.

Немалая толика несчастий перепала и на Мишину долю: и с крыши падал, и под колесо тележное как-то угодил. Но в напастях не обошлось без удачи: и крыша оказалась не высока, и колесо, переваливаясь с кочки на кочку, разве что чуток вдавило в мягкую луговую землю худенькое тельце мальчишки.

Куда более серьёзной бедой оказалась болезнь глаз. Если, скажем, с зубной болью можно было обратиться к местному умельцу, вся причастность которого к стоматологии заключалась в наличии у него ржавых и грязных щипцов, то лечить глаза никто в округе не брался.

А зрение своё любознательный Миша повредил не иначе как избыточным чтением. Ведь в хате крестьянской освещение известно какое — лучина, а лампа керосиновая разве что по большим праздникам да при гостях зажигалась. Вот и суточное чтение псалтыри по усопшим разве не перенапрягало глаза?

Получается, что и грамотность раннюю, и малосильную помощь голодающей семье мальчик оплачивал своим здоровьем. Да и то, возможно ли без таких потерь из бедности и убожества вырваться? Очень уж крепко земля своих подёнщиков держит, очень уж неохотно отпускает от сохи да мотыги, от косы да граблей...

В 1910 году в селе Оселье (через поле от Глотовки) открылась четырёхклассная школа. Самое время будущему поэту приниматься за учёбу. Уже и лапти сплести для себя умеет, и одежкой, хоть и плохонькой, прикрыт — есть в чём посещать уроки.

Правда, того, что пишется на доске, зрением слабым уже не осиливал, а, стыдясь своей подслеповатости, чуть было не отказался от блага просветительского и даже перестал ходить на занятия. Хорошо, учительница Екатерина Сергеевна Горанская проявила участие. Настояла. Посодействовала.

Оказывал помощь мальчику в учёбе и отец. В основном по арифметике. Не будучи образован, в силу природной сметки умел не только разобраться даже в самых трудных задачах, но и толково объяснить сыну. Не удивительно, что по этому пред-

мету, во все века наиболее трудному для большинства учеников, Миша первенствовал.

Глазами же мальчика никто всерьёз не занимался. А дело, по его воспоминаниям, представлялось отнюдь не безнадёжным:

«Тогда мне нужно было сделать операцию, и все было бы хорошо. Но родители мои — крестьяне. Они говорили, что все это “с глазу”, что это, может быть, пройдёт, и не везли меня к доктору (...) Поэтому меня водили к бабке. Она ставила на шею пиявки, которые якобы могли оттянуть “дурную кровь”. Обидней всего то, что приблизительно в это время в нашем уездном городе был глазной отряд, но кто-то пустил слух, что “доктора выкалывают глаза”, и меня побоялись отправить в город».

Очень скоро школа стала для мальчика как бы родным домом. И даже чем-то более близким и уютным. Частенько, особенно в плохую погоду, Миша, как и некоторые другие ученики, оставался тут на ночь. Во-первых, с друзьями куда веселее; во-вторых, в школе и тепло, и свету от керосиновой лампы «Молния» куда больше, чем от привычной лучины, которая ещё и противно чадит.

Да и бесконечные родительские сетования о кончающихся хлебных запасах сюда не донесутся. И учитель Василий Васильевич Свистунов чуть ли не каждый день проводит заночевавших. То разговор о чём-нибудь интересном затеет, то книжку почитает.

А однажды Василий Васильевич взялся вечер литературный с ребяташками приготовить по поэме «Кому на Руси жить хорошо?». Так ученики чуть ли не всю поэму наизусть выучили. Сообща, конечно, — каждый свой отрывок, и потом декламировали перед приглашёнными мужиками. Ну а те и слушали со вниманием, и похваливали за памятьливость детишек своих. А ещё удивлялись точности и правдивости поэтического рассказа о крестьянской жизни.

Что ни говори — Некрасов! Кто другой недолго мужика русского лучше него знал?

Свистунов сельских ребятишек и физике обучал, которая не входила в программу начальной школы. Опыты всякие показывал на приборах, приобретённых на собственные средства. Так его за это, по чьему-то зловредному доносу, ещё и преследовали. Досталось и Горанской за попустительство.

Узнав, что Исаковский пишет стихи, Василий Васильевич не посчитал за труд сообщить ему необходимые сведения о поэтических размерах и вообще по теории стихосложения. И очень даже вовремя.

Прекрасные учителя выводили будущего поэта к знаниям. Вряд ли все таковыми были в сельских, да и в городских школах. Иначе просвещенность народа российского заметно бы возросла. А эти, молодые, горячие, ещё и чувствовали за собой некий нравственный долг перед крестьянской темнотой и дремуцеством.

У Свистунова, убеждённого толстовца, даже слово молитвенное, к мужику обращённое, имелось. И произносил Василий Васильевич это слово перед всяким приёмом пищи:

«Благодарю тя, мужиче, яко насытил нас земных твоих благ и удостоил принять хлеб твой насущный, добываемый в поте лица твоего».

С виду — богохульство. Но думается, что молитва такая не могла быть противна Тому, Кто действительно всех и вся питает. Можно даже предположить, что слова эти были куда угоднее Всевышнему, чем лицемерная благодарность от тех, кто «людей земли» высокомерно презирает и попирает, беззастенчиво пользуясь их трудом.

В Осельской школе Свистунов проработал недолго и вскоре был направлен учительствовать на Алтай. Однако же то на летние каникулы, то на весенние пасхальные проводывал он Ельнинскую землю, а значит, заглядывал и в Готовку. Тут были и учительницы, с которыми Свистунов состоял в приятельстве, и полюбившие его ученики.

Однажды в пору такого приезда Василий Васильевич зазвал в школу Михаила Исаковского, Петра Шевченкова и Николая

Афонского. И с такой убедительностью, так авторитетно принял им доказывать невозможность существования Бога, что после беседы все трое дали зарок никогда не посещать церковь и отказаться от участия в православных обрядах.

Из школьных учебников наибольшее впечатление на будущего поэта произвела хрестоматия Э. Вахтерова, в которой, в частности, говорилось, что Пушкин и Лермонтов — «певцы Кавказа», Шевченко и Гоголь — «певцы Малороссии», Кольцов и Никитин — «певцы степи», а Некрасов — «певец горя народного».

Не исключено, что именно это столь упорно повторяющееся слово «певец» в определении поэтического призвания и обратит когда-то Исаковского к песне, и сделает его «певцом любви и грусти» по преимуществу деревенской, девичьей...

Из этой же хрестоматии Миша узнал и про Ломоносова, в судьбе которого его заинтересовал и обнадёжил тот факт, что крестьянский сын сумел стать учёным и поэтом, вышел в знаменитости. Вот ведь мальчик и сам в эту пору уже писал стихи. Ну а полное сходство собственного имени-отчества — Михаил Васильевич — с именем-отчеством выходца из Холмогор и во все настроило юного мечтателя на мысль об одинаковости их судеб.

Закончил Миша четырёхклассную школу за три года, ибо, по причине ранней грамотности своей, начал учёбу не с первого, а со второго класса.

Выпускные экзамены сразу для четырёх сельских школ Ельнинского уезда проводились в селе Гнездилове. Семеро ребят-выпускников Осельской школы, в числе которых был Миша Исаковский, а с ними и две их учительницы отправились туда пешком.

Вот как впоследствии вспоминал об этом сам поэт:

«Мои товарищи нарядились по-праздничному: на них были сатиновые рубашки, новые штаны, до блеска начищенные сапоги. И только я среди них выглядел каким-то отверженным,

случайно попавшим в эту нарядную компанию. Всё, что было у меня относительно нарядного, так это единственная основательно поношенная, красная с жёлтым горошком ситцевая рубашка. Её я и надел. Обуться, кроме как в лапти, было не во что. Но лапти я сразу отверг и решил, что лучше пойду босиком. Штаны у меня были тоже незавидные: не городские, не покупные, как у остальных, а сшитые из домотканой холстины и выкрашенные синей краской. На голову я надел старый, выдавший виды картузик.

— Как дурачок ты среди них, — горестно сказала моя мать. Она дала мне в дорогу кусок хлеба, и я отправился».

Между тем «дурачок», выглядевший в своей цветастой одежке едва ли не балаганным Петрушкой, сдал все экзамены на «отлично». А по русскому языку даже получил «отлично» с плюсом и все потому, что по просьбе осельской учительницы прочитал два своих стихотворения. Одно из них начиналось так:

В бедном уголочке
На краю села
Со внуком Ванюшей
Бабушка жила.

Избушку плохую
Имели они —
Замёрзнут, бывало,
В морозные дни.

Дровец у них нету, —
На чем привезёшь?
На себе из леса
Много ль принесёшь?

(«Святой»)

С годами поэт пройдёт немалый путь стихотворного усовершенствования, но четверостишие так и останется его люби-

мой строфой, причём, как и здесь, с нерифмующимися 1-й и 3-й строками и рифмующимися 2-й и 4-й. От немногих рифм больше свободы, да и звучание естественнее. И начать свой поэтический путь с такого точного попадания в манеру и стиль — несомненная удача Исаковского.

Разумеется, на этих стихах Миши сказалось влияние деревенской песни, отнюдь не склонной ни к избытку рифм, ни к их изощрённости. Лишь бы за болью душевной поспевала, лишь бы сердцу любящему, огорченному попадала в такт. И надо сказать, что уже тогда мальчик сумел перенять главные достоинства народной поэзии — её простоту, точность и обаяние живого чувства.

Нелёгкое дело — расставание с любимым учеником. Ведь за годы учёбы не только обоюдная привычка появляется, а нечто большее — душевная потребность друг в друге, привязанность. Вот Александра Васильевна Тарабаева, вторая учительница Исаковского, и пригласила выпускника своего в гости в Ельню, где проживала её семья. Решила напоследок побаловать да развлечь своего любимца.

До Ельни тринадцатилетний Миша добирался самостоятельно, поездом. И вот он, город! А там — и впервые увиденные двухэтажные каменные дома, и тротуары, и парк с увеселениями да посыпанными песком дорожками, и Синематограф.

Неделю прогостил мальчик. Возвращался уже пешком, денег на обратный билет отец, увы, не выдал. Очевидно, рассчитывал на благорасположение учительницы. Однако сказать ей о своей проблеме Миша постеснялся.

Ещё хорошо, что попутчик взрослый нашелся. Дошли.

Осенью 1913-го с глазами стало совсем плохо. По старой памяти мальчик обратился к учительнице. Та рассказала о Мише члену Ельнинской земской управы Михаилу Ивановичу Погодину, внуку известного писателя. Ну, а Погодин отвёз его в Смоленск и показал доктору-окулисту Радзвизкому.

Врачебное заключение прозвучало как приговор: мальчик непременно ослепнет, и было бы хорошо ему, пока он что-то

видит, овладеть какой-нибудь «слепой» профессией, чтобы не быть обузой для семьи. Причём утаивать от тринадцатилетнего ребёнка свой неутешительный прогноз Радзвицкий отнюдь не счёл нужным.

Поверил Погодин авторитетному окулисту или нет — неизвестно, во всяком случае, поспешил устроить больного мальчика не в школу для слепых, а в Ельнинскую больницу. Увы, серьёзного лечения там проводиться не могло, ибо среди врачебного персонала не имелось ни одного глазника.

Лишь десять дней больничной скуки выдержал Миша. Решив, что назначенную микстуру он может принимать и в Глотковке, мальчик отпросился домой... Между тем кровоизлияние в сетчатку, приведшее к проблемам со зрением, стало понемногу рассасываться. Уже и тёмные пятна перед глазами, заслонявшие от Миши белый свет, стали уменьшаться.

И забрезжила мальчику надежда: может быть, ошибся доктор и он не ослепнет?

И вот, сначала — по страничке, по две, снова стал Исаковский читать, а затем понемногу и писать. И пришло ему на ум, что для успешного сочинительства необходимо больше знать и примечать. И надумал мальчик просидеть целую ночь возле окна, чтобы не пропустить рассвет и увидеть его во всех подробностях и красках. И просидел, и увидел, и даже умилился — до чего красиво!

И за атмосферными переменами стал наблюдать, и что-то вроде «дневника погоды» завёл. А потом принялся и за «дневник сельскохозяйственных работ» примерно такого содержания: «Сегодня в нашей деревне сажали картошку» или «Сегодня мужики посеяли овёс». И выписывал в тетрадочку всякие непонятные слова, которыми были наводнены стихотворения русских классиков: Муза, Аполлон, Пегас, Венера, Феб... И, полагая, что без этих слов настоящая поэзия невозможна, постарался узнать их значение.

Едва ли кто из стихотворцев, в одиночку осваивающих поэтические премудрости, избежал таковых заблуждений и мира-

жей. Ведь именно лежащее на поверхности, внешнее оказывается и всего доступнее для наблюдения, и открывается прежде.

А до подлинных, глубинных тайн искусства ещё доберись!

Трудно сказать, помогли «дневниковые» наблюдения и заметки творческому созреванию поэта или нет, но даже эти, конечно же, наивные поиски расширяли кругозор мальчика и свидетельствовали о его страстном желании научиться писать хорошие стихи.

И был у Миши Исаковского друг, бывший одноклассник Петя Шевченков, который тоже увлекся писанием стихов. Вдвоём они и толковали о литературе, и произведения свои обсуждали — кто лучше написал. Да и в школу после уроков навдывались к Екатерине Сергеевне, которая им по старой памяти книжки интересные читала: то исторические, то художественные. Понимала, что четыре класса сельской школы — очень даже немного для любознательных пареньков.

Когда же друзьям попались «Записки охотника» Тургенева, они так полюбили эту книгу, что решили всю её от первой до последней страницы переписать. Трудились по очереди, но не успели. Хозяин книги, обеспокоенный задержкой, заподозрил неладное и потребовал книгу срочно вернуть.

А ещё надумали юные авторы издавать свой рукописный журнал «Заря». Выпускали его поочередно: номер — Миша, номер — Петя... Бумагу для изготовления журнала воровали в волостном правлении, где Петя служил рассыльным.

В прихожей правления стоял сундук с архивом, и крышка его с навешенным амбарным замком прилегала неплотно. Было куда руку просунуть. Ну, а в книгах канцелярских, которыми сундук был набит, имелось немало чистых листов. Как не воспользоваться?

Когда же Анна, старшая сестра Миши, работавшая в Москве на ткацкой фабрике, в ответ на слёзные просьбы брата купила ему и прислала «детскую типографию», у друзей появилась возможность оформлять свою «Зарю» полиграфическим способом. Но интерес к журналу уже исчерпался. Трёх номеров хватило.

Тогда попытались друзья при помощи этой типографии печатать свои стихи. Да вот незадача: буквы резинового набора так и норовят выпрыгнуть из пинцета, а из верстатки тоже выскакивают с завидной ловкостью и прытью. Мудрено ли, что невеликий запас шрифтов вскоре был растерян, и желание возиться с ними выдохлось...

Получилось, что Миша сестру свою только понапрасну в расходы ненужные ввёл.

Первая мировая война, уже осенью 1914 года опалившая Россию, не пощадила и Глотовку. Тут и погибшие, и покалеченные, и без вести пропавшие. И общее оскудение, и надвигающийся голод. Нужно ли говорить, что многочисленные пожелания о продолжении образования, высказанные Исаковскому во время выпускных экзаменов, оказались нереализованными.

Да и тактично ли юношу из бедной крестьянской семьи поощрять болтовней о перспективах такого рода? Разве не то же самое, что пожелать расслабленному — хорошо потрудиться, а хромоту — успешной дороги?

А тут ещё у Миши опять кровоизлияние в сетчатку. Не новость ли военная, страшная по глазам ударила? Опять пятна островами чёрными поплыли по кругозору. Того гляди сомкнутся в непроницаемую стену слепоты... Беда!

Вот и надумал Исаковский к Михаилу Ивановичу Погодину за помощью обратиться. И пошёл в Гнездилово, где усадьба его. Но даже уверенности, что застанет, не было. Однако же застал. И нашел успокоение, и поддержку обрёл. А ещё, как нечто необходимое для новой более благополучной жизни, которая уже брезжила, и подарок от Михаила Ивановича получил — почти новый тёмно-синий костюм и отличные сапоги...

Соседская баба, увидев Мишу в таковых обновках, даже не пыталась скрыть своего восхищения:

— Ну прямо как барин какой!

Между тем бумажное эхо войны уже шелестело по страницам центральных газет и журналов. И сводками горя народного, и подвигами оружия бранного, и правительственной оторопелостью. Наведалась война и в стихи четырнадцатилетнего Исаковского. Одно, наиболее удачное стихотворение на военную тему юноша передал Екатерине Сергеевне. А Михаил Сельницкий, её знакомый и коллега, увидев это стихотворение, заинтересовался им, переписал да отослал в московскую газету «Новь», где оно и было напечатано 28 ноября 1914-го.

ПРОСЬБА СОЛДАТА

(отрывок)

Светит солнца луч
Догорающий.
Говорит солдат
Умирающий:

— Напиши, мой друг,
Ты моей жене —
Не горюет пусть
О моей судьбе.

.....
Зашло солнышко,
Запылал закат.
Вместе с солнышком
Кончил жизнь солдат.

До чего же просто проследить родословную этого стихотворения, начиная от «певца Кавказа» Лермонтова с его «Завещанием», затем через интонационное обогащение «певцом степи» Кольцовым — к русской народной песне «Степь да степь кругом...» на слова Ивана Сурикова. И уже потом от Сурикова — к Мише Исаковскому. Что называется, замысел не первой руки...

Но ведь и складно, и толково, и осмысленно получилось — достойный дебют!

А в конце декабря, как бы вслед своим стихам, отправился в Москву и автор. Впрочем, не по делам литературным и не один. Это Михаил Иванович Погодин прихватил с собою талантливого юношу, чтобы медицинским светилам показать. Сдержал-таки слово. Ну, а чтобы не замерз Миша вдали от спасительной печки, присовокупил Михаил Иванович к подаренным прежде костюму и сапогам ещё и доху.

То-то роскошь — тепло меховое!

Москва поразила юного поэта своей каменной огромностью и ростом многоэтажным. Уж не по головам ли друг друга люди тут ходят? А из окон под самой крышей и выглянуть, должно быть, страх?

Поселили Мишу в лазарете «Трудовое братство». Там и столовался. Там его и сестра Анна проведала. Оттуда начинались и все походы Исаковского: и в Алексеевскую глазную больницу, и к профессору А.И. Авербаху.

А ещё позаботился Михаил Иванович, чтобы деревенскому пареньку и Кремль показали с литыми Царями — Пушкин и Колоколом, и в театр, и в Третьяковку, и в Музей изящных искусств на Волхонку сводили. В свободное время юноша и сам прогуливался по Москве, но далеко от Неопалимовского переулка, где располагался лазарет, не отходил — заблудиться боялся.

А там и пришло время возвращаться в Глотовку. И увозил с собой Миша Исаковский обнадеживающий прогноз профессора, его мудрые рекомендации и очки с заграничными стеклами, специально подобранные, в которых он, может быть, впервые, увидел окружающий мир так подробно и крупно.

И была уложена в дорожном мешке юного поэта подаренная ему Погодиным библиотечка, состоявшая из 150 книжечек, изданных «Посредником». Миша сам их и отбирал.

Уж не благодаря ли очкам чудодейственным полюбилась Исаковскому в эту пору девушка Ариша, полутора годами старше его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru